

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарно-педагогическое образование
Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология.

Научный журнал

Том 3, № 2, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Богданова К. В. Устойчивые выражения как интертекстуальные включения в названиях эпизодов англоязычных телесериалов	5
Лушникова Г.И. Специфика литературного портрета в психологическом детективе (на материале романа Рут Рэнделл «Чада в лесу»	12
Михайлова А. Г. Технология формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров в процессе изучения иностранного языка.....	20
Твердохлеб О. Г. Субстантивированные причастия в поэтическом творчестве Иосифа Бродского.....	30
Тыщук Д.С. Метафора в детской литературе как прием лично ориентированного подхода.....	36

ПЕДАГОГИКА

Власенко Ю.В. Система социальной реабилитации детей-инвалидов и детей с ограниченными способностями здоровья.....	42
Головко Н.Н., Тянь Н.Г. Развитие профессиональной компетентности будущих специалистов: опыт полиэтнической высшей школы Великобритании.....	50
Иващенко Е.Е., Старовойтова А.А. Учебник как средство формирования логических универсальных действий младших школьников.....	56
Кириак Л.И. Особенности профессиональной карьеры личности.....	65
Панишева О.В. Модернизация процесса проведения лекционных занятий в свете требований ФГОС нового поколения.....	71
Рождественская Л.Н., Алейник А.И. Формирование умения учиться в процессе организации самостоятельной деятельности младших школьников на уроках русского языка.....	76

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Лей В.А., Головко Р.А. Пути формирования гражданской компетентности студентов в контексте генеалогической культуры.....	82
---	----

**МЕТАФОРА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК ПРИЕМ ЛИЧНОСТНО
ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА
METAPHOR IN CHILDREN'S LITERATURE AS A TECHNIQUE OF PERSONALITY
CENTERED APPROACH**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению метафоры в детской литературе как приема лично-ориентированного подхода. Лично-ориентированный подход предусматривает обучение литературе через ознакомление с текстом художественного произведения как сферы для формирования собственного мнения учащегося, в том числе, и через понимание средств образности, тропов. Метафора как троп, возникающий на основе переработки авторами переносных значений слов, привлекает внимание маленького читателя к концептуальным идейным моментам произведения, способствует развитию ассоциативного мышления, формированию собственного взгляда на актуализированный объект, прививает любовь к образному слову – всему, что составляет суть художественной литературы как вида искусства. Материал для исследования – повесть сказка В. Крапивина «Чоки-чок», или Рыцарь Прозрачного Кота».

Ключевые слова: метафора, понимание, рефлексия, восприятие, обобщение, слово.

Abstract

The article is devoted to review the metaphor in children's literature as a technique of personality-centered approach. Personality-oriented approach provides training of literature through understanding the text of artwork as a sphere for to form your own opinion student through the understanding the means of imagery, tropes. Metaphor as a trope which occurs on the basis of revision by the authors the portable meanings of words attracts attention of little reader to the conceptual ideological aspects of the works, contributes to the development of associative thinking, forming their own view on the object, instills a love of the figurative word – the essence of literature as an art form. Material for research a tale by V. Krapivina «Chalky-chalk», or Knight Transparent Cat».

Keywords: metaphor, understanding, reflection, perception, generalization, word.

Литература как учебный предмет – плодотворное поле разворачивания лично-ориентированного подхода, так как именно ознакомление с произведениями и анализ их способствуют формированию у воспитанника собственного взгляда на представленные в художественном мире темы и проблемы.

Художественный текст имеет особые смысловые маркеры, средства образности (тропы). Метафора как троп, возникающий на основе переработки авторами переносных значений слов, привлекает внимание маленького читателя к концептуальным идейным моментам произведения, способствует развитию ассоциативного мышления, формированию собственного взгляда на актуализированный объект, прививает любовь к образному слову – всему тому, что составляет суть художественной литературы как вида искусства. В тоже время, восприятие произведения по определению не может носить объективный характер –

задача учителя познакомить класс с произведением так, чтобы у каждого ребенка выработалась своя модель его восприятия.

Цель статьи – анализ особенностей использования метафоры в детской литературе (на материале повести-сказки В.Крапивина «Чоки-чок», или Рыцарь Прозрачного Кота») как приема личностно-ориентированного подхода.

Теоретико-методологическая основа статьи – в работах Л. Выготского [1], Д. Элькониной [4], Б. Томашевского [8] и других.

В литературе конденсируется уникальный потенциал слова.

Слово всегда относится не к одному какому-нибудь отдельному предмету, но к целой группе или к целому классу предметов. В силу этого каждое слово представляет собой скрытое обобщение, всякое слово уже обобщает, и с психологической точки зрения значение слова прежде всего представляет собой обобщение. Но обобщение, как это легко видеть, есть чрезвычайный словесный акт мысли, отражающий действительность совершенно иначе,

36

чем она отражается в непосредственных ощущениях и восприятиях. Когда говорят, что диалектический скачок является не только переходом от немыслящей материи ощущению, но и переходом от ощущения к мысли, то этим хотят сказать, что мышление отражает действительность в сознании качественно иначе, чем непосредственное ощущение. По-видимому, есть все основания допустить, что это качественное отличие единицы в основном и главном есть обобщенное отражение действительности [1, с. 673].

Природа метафоры исходит из потенциала слова к обобщению.

Метафора функционирует между строк произведения. Ребенок, читая художественный текст, будет обращать внимание на моменты, представление которых отличается от привычного, обыденного. Овладев навыком осмысленного понимания произведения в младшем школьном возрасте, ребенок постепенно придет к умению формирования личной точки зрения, причем рассмотрев ситуацию в мире художественном, ее легче будет оценить или даже пережить в реальной жизни. Особенно если речь идет о моральных ценностях – справедливости, дружбе, милосердии.

Основной особенностью такого процесса понимания является, во-первых, то, что он опирается на непосредственное эмоциональное отношение к описываемым событиям, к герою произведения; во-вторых, то, что понимание возникает в процессе активного сопереживания и содействия герою. Ребенок входит в ситуацию действий героя и вместе с ним проходит в представлении его жизнь, переживает его успехи и неудачи. Понимание литературного произведения является, следовательно, с одной стороны, процессом, происходящим уже в представлении (в уме), с другой стороны, оно носит не абстрактно-логический, а действенный характер.... [3, с. 238].

Понимание метафоры в детском произведении требует обращения к теоретико-литературному обоснованию ее специфики.

Метафора возникает лишь на той стадии первичного развития, когда уже есть табу, но есть предметы, явления, настоящие имена которых нельзя называть [8, с. 213].

Метафора как троп и способ освоения действительности реализуется через попытку осмыслить и примирить слова в их первичном и переносном значении [7, с. 55].

Б. Томашевский отмечал психологическую сторону компетенции метафоры: метафорическое использование слова, разрушая его логическое содержание, возбуждает эмоциональные ассоциации [7, с. 55].

По С. Зенкину, метафора – это смещение смысла по оси селекции. В выражении «солнечная корона» слово «корона» служит заменой другим терминам («ореол», «сияние»), которые соразмещаются на оси комбинации, а на оси селекции – это образный синоним, при выборе которого осуществляется парадигматическое смещение [2, с. 46-47].

Д. Лакофф та Д. Джонсон, теоретики интеракционной теории метафоры, объясняют троп как способ осмысления одной вещи в терминах другой, и таким образом, ее основная функция содержится в обеспечении понимания [5, с.62]. Метафора концентрирует и

согласует в своем семантическом поле самые отдаленные и несочетаемые ассоциации, а потому предстает сплошным нечленимым тропом, которому свойственно относительное декодирование, возможность разворачиваться во внутренний сюжет, недоступный для рационального объяснения.

Таким образом, метафора – средство образности сложной природы, истинная эстетическая роль превышает украшение текста произведения.

Сюжет повести-сказки В. Крапивина «Чоки-чок», или Рыцарь Прозрачного Кота» вращается вокруг детей художника Евгения Пеночкина – азартного искателя приключений Леша и скромной мечтательницы Даши. Волшебство разбавляет привычную жизнь ребятни с переездом в новый дом, где когда-то жил талантливый художник Орест Редькин. Фантастичные товарищи Ореста Марковича, Ыхало и Тень Кота Филарета без боязни знакомятся с ребятами – и это только начало невероятных событий. Параллельно с Хребтовском существует тайный мир, жители которого – один необычнее другого. Волшебная страна Аستراليا живет по собственным законам, которые пытаются разрушить коварные взрослые.

Произведение детской литературы призвано реализовывать не только эстетическую функцию, но и познавательную. Метафоры, связанные с предметной и природной средой, стимулируют работу мысли юного читателя, побуждают посмотреть по-новому уже на известные, обыденные реалии.

Антропоморфизм как метод перенесения свойств человека на представителей флоры и фауны делает язык повести самобытным, обращает внимание ребенка на красоту природы, ее близость к жизни человека.

Во дворе дома Пеночкиных «у забора *курчави*

37

лись рябины» [4, с. 35].

В районе астралийской железнодорожной станции «*высокая трава*, сквозь которую пробирался поезд, *начистила* самовару бока до солнечного сверкания» [с. 78].

Ветер такой же задорный и энергичный, как главный герой Леша Пеночкин: «В распахнутые окна *залетел* зыбкий *ветер*, он *гонял* над полом колючую пыль» [4, с. 45]. Дуновения ветра, как и настроение мальчика, изменчивы: «*Полетел* навстречу упругий *ветерок*, *откинул* волосы и *словно слизнул с лица*, рук и ног противный зуд от лесных иголок» [4, с. 50].

«Было тихо, только за окном в саду *ссорились воробьи*. Из-за шторы падала широкая солнечная полоса. Она медленно двигалась. Добралась до Лешиних ног и стала греть ему коленки. Это было приятно» [4, с. 27].

На картине Ореста Марковича Редькина, наставника отца Леша, каждая деталь наполнена сказочным духом: «Казалось, что *воздух* вокруг леса-города хрустально *затвердел*, а потом *раскололся* на множество больших и маленьких кубиков, и кубики эти кто-то слегка встряхнул, пошевелил. Теперь все виднелось как бы через множество стеклянных граней – немного запутанно и сбивчиво. *Лунный диск*, например, *оказался надломленным* в разных местах, а несколько кусочков от него откололись и светили отдельно. В общем, то ли сказка, то ли сон...» [4, с. 20]. Такие строки пробуждают желание полюбоваться красотой природы, вдохнуть чистый воздух на лесной прогулке.

Элементы архитектуры дома пронизаны духом сказочности: «Над мансардой *блестела* частыми квадратиками стеклянная *крыша*. Над ступенями крыльца был навес – его *держали подпорки* из кружевного кованого железа» [4, с. 66].

Метафоры искрятся добрым юмором, понятным каждому читателю.

Падение полки – «награда» для Алексея за чрезмерное любопытство:

«*Полка* вдруг осела, пудовые книги посыпались на пол, одна *треснула* Лешу *по ноге»* [4, с. 57].

Транспортное средство яркого цвета подобно лихому гонщику:

«Даже **нахальный оранжевый «Москвич», проскочивший у самого тротуара и забрызгавший их с ног до головы**, не испортил путешественникам настроения» [4, с. 96].

Несколько растерянный пароход необычно передвигался по волнам: «**Пароход зашлепал гребными колесами** и не спеша **двинулся** на середину реки» [4, с.112].

Хронотоп повести соединяет реальное и ирреальное пространства. Реальный мир – город Хребтовск, ирреальный – страна Аستراليا, в жизнь которой Леша, он же Рыцарь Прозрачного Кота, вписывается через стихотворные заклинания собственного авторства. Результатом апробации волшебства дома стало знакомство ожившей буквой «А». Капризная «А», ожив под действием стихотворения-заклятия Леша, показывает ребятам свой непростой характер, что не может не вызвать добрую улыбку:

«**Букву посадили** на чистый лист раскрытого Лешиного альбома. Стало видно, что у нее выросли крошечные, как у мелкой мушки, лапки. Вернее, ручки и ножки. На ножках **буква поднялась, а ручки заложила за спину и принялась** туда-сюда **шагать** по листу» [4, с. 53].

«А» изливает свою обиду ребятам, объясняет, почему бросила вызов своим собратям и ушла из названия:

«**Другие буквы не давали житья!** Все время придирались! «Почему другая буква «а», после «эн», стоит спокойно, а ты все время егозишь и высовываешься из ряда? Но я, во-первых, не высовывалась... почти. А во-вторых, как можно сравнивать? В слове была вторая по счету, а она только девятая. Это все равно что равнять сержанта с полковником!... Вот я и ушла!... Устроюсь где-нибудь, найду место получше... А эти, мои бывшие соседи, меня даже не окликнули! Сомкнули строй, и не осталось промежутка! Будто меня там и не было!» [4, с.54].

Начальник станции Бочкин, верный товарищ и защитник Леша и Даши, представлен человеком широкой души и соответствующей комплекции: «Он в самом деле напоминал бочку, поставленную на кроткие бревна и одетую в тельняшку и просторный синий китель с серебристыми пуговицами. Китель распахнулся, и Леше с Дашей показалось, что под тельняшкой, обтянувшей круглое туловище, в самом деле проступают обручи с заклепками. **По крайней мере, внутри начальник станции гудел и булькал, как настоящая дубовая бочка**» [4, с.89].

Ребята не смогли скрыть удивления, наблюдая за тем, как Бочкин опустошает бочку с квасом: «Желтая пеннистая **струя хлынула**

38

из горловины бочки в широко раскрывшийся рот начальника. **Забурлила**. Леша и Даша от изумления тоже раскрыли рты. Но струя **клокотала** долго, изумление прошло...» [4, с.89].

Рядом с волшебными персонажами-людьми в повести функционируют сказочные существа. Дети Пеночкины быстро подружились с обитателями приобретенного их родителями дома – Тенью кота Филарета и Ыхало.

Автор метафорично описывает Ыхало:

«Представьте себе **метровой высоты пузатый самовар с футбольным мячом вместо чайника**. А еще представьте, что самовар этот и мяч обмазали клеем и вываляли в клочьях пыльной шерсти, пакли, паутины и всякого мусора, затем украсили мяч-голову большущими круглыми глазами. Зелеными, как бутылочное стекло. Угадывался у мяча и широкий рот, но не было даже намека на нос» [4, с. 14-15].

Тень Кота Филарета – персонаж весьма азартный. Предыдущая хозяйка дома, сварливая старуха, никак не могла ужиться с Тенью:

«**Тень кота скушала тень селедки**, а старуха это заметила. И сперва не поняла, в чем тут дело. Представьте себе, помчалась в магазин: «Вы мне продали селедку без тени. Забирайте обратно, отдавайте деньги!». Там, конечно, смех. Говорят: «Тени от рублей берите. Хоть тысячу...». Старуха пошла домой и просто булькала от злости. А по дороге

наконец сообразила, кто виноват. Пришла домой и давай по всем комнатам со шваброй носиться, по стенам стучать. Чтобы, значит, выгнать тень из дома» [4, с. 26].

Главный маг Австралии Авдей Казимирович Белуга, он же Гран-Палтус дон Куркурузо, с певрой встречи подкупает Лешу открытостью: «Маг смотрел очень приветливо и обрадовано», а его внешний вид, манера поведения выдают импульсивность натуры. В создании образа доброго волшебника В.Крапивин прибегает к использованию метафор:

«Во время своей речи дон Куркурузо широко расхаживал по каменной комнате, халат его развевался, под ним *обнаруживались* полосатые пижамные *брюки* и вельветовые *туфли*. Газетный *колпак опасно кренился*. А длинный *нос так дергался*, что *пенсне металось* на нем как хрустальная бабочка, и от стекол *разлетались зайчики*. При последнем слове дон Куркурузо резко остановился и горько вскинул руки, причем широкие *рукава съехали до плеч*» [4, с.153]. «Дон Куркурузо опять склонился над лоханью и так заработал руками, что *колпак* его совсем *скособочился*. Блестящее *пенсне металось и прыгало* на кончике носа и наконец *не удержалось – полетело в лохань*» [4, с. 155].

В повести сказке сосуществуют «мир взрослых» и «мир детей».

«Специфика взаимоотношений «мира детей» и «мира взрослых» состоит в том, что «мир взрослых» не имеет автономного существования, не существует вне, без мира детей. Взрослый появляется у Крапивина лишь постольку, поскольку он так или иначе оценен, отмечен в сознании ребенка. «Мир детей» закрыт для взрослого. Последний входит в него только с определенной оценкой, заданной ребенком. В силу этого характера взаимоотношений между «мирами» особый характер носят и отношения по линии «ребенок – взрослый». Дело не в том, что первый «хороший», а второй «плохой». Просто право давать оценку у Крапивина имеет лишь ребенок. «Хорошим» или «плохим» взрослый становится лишь в отношении ребенка» [6].

Катусенок Ростик уверят Лешу в том, что король Австралии Респектабо Первый – отличный человек:

«...Солидный, представительный. Так полагается королю. Но это он только в торжественных случаях такой. А в другое время он даже в футбол с нами играет, если не видят придворные. И за маленьких всегда заступается...» [4, с. 193].

Легкий нрав короля, совершенно лишённого аристократической напыщенности, подчеркивает метафоричное описание его привычек и манеры поведения:

«*Король одним духом проглотил оставшийся напиток*, отдал кубок кому-то из свиты и объявил, что турнир закончен» [4, с. 213].

Если дон Куркурузо и король Респектабо Первый – положительные персонажи, то в оппозиции пребывают коварные заговорщики Виття Люмпо-Лампо и Аугусто-Негусто дон Сеял, метафоричное описание которых иллюстрирует критическое отношение к ним.

Читатель знакомится с вышеупомянутыми героями на традиционном австралийском турнире за честь прекрасной дамы.

«Леша глянул на рыцарей и замигал от удивления. Он думал, что и вся *публика поляжет* от хохота. Потому что рыцари ехали как клоуны в цирке. Тощий, как Дон-Кихот, Аугусто-Негусто, бряцая латами, крутил педали большого трехколесного велосипеда. А маленький *круглый Люмпо-Лампо* восседал на сооружении, которое напоминало тощую лошадь, но весьма отдаленно» [4, с. 198].

Тропы имеют свойство пробуждать эмоциональное отношение к теме, внушать те или иные

39

чувства, имеют чувственно-оценочный смысл [4, с.33]. Юмор у В. Крапивина имеет разные оттенки: если описание начальника Респектабо Первого и дон Кукурузо вызывает симпатию, то Аугусто-Негусто и Люмпо-Лампо критикуются за неспособность посмеяться над самим собой, чрезмерную напыщенность, завышенную самооценку, помноженную на трусость и подлость. Неудивительно, что именно эти персонажи становятся инициаторами

похищения Леша, потому что они боялись чистой души ребенка, способного противостоять их интригам в волшебном королевстве.

«**Вытряхнул Лешу из мешка** Его Етугоро – главгый распорядитель всех массовых дел и праздников. Рядом пританцовывал и потирал руки Виття. А за длинным столом сидели еще двое: маркиз Аугусто-Негусто дон Сеял и незнакомый дядька с похожим на красный кулачок лицом, окруженным *торчащими, будто жесткие швабры, бакенбардами*. Потом узнал Леша, что это начальник астралийской полиции его превосходительство Бельдевул Хвост де Каракара» [4, с.267].

Самый отвратительный из всей компании – Его Етугоро, в прошлом – людоед Пурген Аграфенович Людоедов.

Представленный в предыдущих главах как Людоедов, персонаж имел весьма отталкивающий вид: «Дядька с неприметным лицом и бледными глазками. В полинялом спортивном костюме. Из костюма – между резинкой штанов и краем короткой фуфайки – выпирал могучий живот. Пузатый дядька облизнул губы и постарался улыбнуться. Кажется, он хотел казаться симпатичным, но это не получилось» [4, с. 129-130]. За свои злодеяния он был взят под стражу Бочкиным, но Пургену удалось бежать. Он с гордостью заявляет Леше и единомышленникам по бесчестному преступлению:

«Когда я не выдержал издевательств твоего друга Бочкина и освободил себя, то прежде всего пробрался в пещеру к шарлатану Куккурузо. Лишь чуть-чуть опередил тебя, двух минут было достаточно. Я кое-что понимаю в колдовстве и сразу разобрался, где там у этого бездельника машина времени. **Самое лучшее место для укрывательства после побега – прошлые времена.** Хе-хе. Машина проста в управлении, я отвел рычаг на десять лет назад что понимаю – и пожалуйста! Явился ко двору и стой поры верно служу Респектабо Первому, хотя данное величество этого и не заслуживает» [4, с. 268-269].

Метафоры, соотносящиеся с образами негативных персонажей, привлекают читательское внимание к тем чертам человеческого характера, к избавлению от которых должен стремиться каждый – подлости, лицемерия, применения физической силы по отношению к более слабым.

Рассмотрение метафоры в детской литературе как приема личностно-ориентированного подхода позволяет говорить о существовании плодотворных педагогических условий для формирования не только личностных эстетических языковых предпочтений – юный читатель формирует понимание необходимости выразительности литературного языка, но и критического отношения к действительности. Анализируя на уроках и вне уроков представленные в произведениях ситуации, ребенок учится формировать свое собственное мнение и отношение к ним как основы дальнейшей самостоятельной, независимой жизненной позиции. Метафора, как смысловой маркер в тексте произведения, привлекает внимание к важным аспектам с точки зрения становления личности, ведь необычным методом описывается то, на чем нужно сконцентрировать внимание ребенка. Повесть-сказка В. Крапивина «Чоки-чок», или Рыцарь Прозрачного Кота» - замечательный пример современной детской литературы, в которой именно на примере метафор становится возможной реализация образовательного личностно-ориентированного подхода.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
2. Зенкин С.Н. Введение в литературоведение. Теория литературы : Учеб. пособие. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000.
3. Эльконин Б.Д. Детская психология : пособие для студентов высш. учеб. заведений / Д.Б. Эльконин. – М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 384 с.

4. Крапивин В.П. Собрание сочинений. Кн. 3. Рыцарь Прозрачного кота: Повести. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 521 с.
 5. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
 6. Савин Е. Стереотипы восприятия произведений Крапивина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http: www.rusf.ru](http://www.rusf.ru)
- 40**
7. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика : Учеб. пособие / Вступ. статья Н.Д. Тамарченко. – М. Аспект Пресс, 1999. – 334 с.
 8. Уеллек Р., Уоррен О. Теория литературы / Р.Уеллек, О. Уоррен / Пер. А. Зверев, В. Харитонов, И. Ильин. – М. : Прогресс, 1978. – 358 с.